

Певец Сольбы

Нелёгкое детство выпало на долю паренька из села Загорья, что на реке Сольбе, в самой глубинке земли переславской. Бедная крестьянская семья со всеми её недостатками и вечными заботами о куске хлеба. Всего три зимы учился будущий писатель в Загорьевской школе. И это были, пожалуй, самые памятные годы детства. Любознательность и пытливость рано пробудили любовь к книге, а память была такая, что после одного прочтения он мог почти дословно повторить целую страницу. Особенно нравились стихи. На его памяти были многие стихотворения Шевченко, Никитина, Некрасова, Кольцова. Он знал наизусть (разумеется, несколько позже) «Евгения Онегина», «Полтаву», «Бориса Годунова».

— Однажды после экзамена, — вспоминает Николай Васильевич, — на котором я удачно передал прочитанный рассказ «Охота на медведя», инспектор подозвал мою мать и сказал: «Вот что, мамаша, вашего сына я беру в город, будет учиться на казённый счёт. Из него выйдет человек». На это мать поклонилась и сказала: «Благодарим вас, господин хороший, но нам учить его трудно, мы люди бедные. Думаем осенью отправить его в Москву „в услужение“».

Так кончилось детство. Осенью 1906 года отец отвёз сына в Москву и устроил в трактир мальчиком мыть посуду на кухне. Через год он самовольно сбежал в другой трактир, где его поставили помогать буфетчику. Здесь положили жалованье 5 рублей и кое-когда давали свободные дни. Спал в холодном коридоре, у самой двери, а «укутку» для ног привязывал к себе, чтобы во время сна не утащили «хитрованцы»: трактир стоял на самой «хиве» возле Устинского моста через Яузу. В такой обстановке пришлось прожить в Москве шесть лет.

Несмотря на всё это, молодой Жуков не потерялся. Он нашёл силы учиться, навёрстывать упущенное время. Отнимая час-другой от сна (трактир открывался с 11 часов утра и работал до часу ночи), он много читал, а когда давали свободные дни, использовал их для посещения музеев, храмов, театров и даже Большого театра, куда его пропускали сторожа или рабочие сцены, забегавшие иногда в трактир выпить. Здесь же он завёл знакомство со студентами и рабочими, в свободное время заходил к ним послушать их горячие споры и разговоры.

Возвращение в Загорье совпало с горячей порой сенокоса. О каком-то отдыхе не пришлось и думать. За сенокосом последовало жнитво, молотьба, теребление, околот и расстил льна. Словом, приезд из Москвы нового работника пришёлся очень кстати. Ближе к осени, когда трепание льна стало делом исключительно женским, вместе с отцом занялся заготовкой дров на купленной у барина Нарышкина делянке.

С весны 1914 года началась новая страница жизни Жукова. Через Калязин и Савёлово он отправляется снова в Москву и устраивается у своего первого хозяина на шумном углу Китай-города, в Зарядье, где проживала что ни на есть забитая «мастеровщина» — шапочники, картузники, коробочники, портные. Тут же жили торговцы и разносчики холодных закусок по учреждениям Китай-города, по улицам Варварка, Ильинка, Никольская. Здесь, в торговых рядах Ветошного переуллка, известном Деловом дворе, различных конторах и банках приказные обслуживали с особым старанием, многие наживали себе славу и набивали мощну.

Вот в эту угарную жизнь и попал молодой Жуков. Нужно было служить, подавать посетителям чай (редко с лимоном). Целый день стой, как свеча, и следи, принимай посетителей, а замешкаешься — не жди хорошего от хозяина. Внизу, под чайной, помещался магазин колониальных товаров. Чего только в нём не было! Тарелки, ложки и корыта, соль и керосин, масло льняное и подсолнечное, метёлки, хлеб, селёдки, колбаса и махорка с папиросами «Трезвон». Таким заботливым и расторопным был дедушка Леон, коренастый и белый, как Дед-мороз. А внизу, в Мокринском переуллке торговал скобяным товаром его сын, Максим Леон-

тьевич Леонов, отец именитого писателя, автора «Барсуков» и «Русского леса». «Однажды, — рассказывает Николай Васильевич, — знакомый колодочник поведал нам, что молодой-то сынок стишки сочиняет и в газетах печатает, и что у них, сочинителей, обзавёлся кружок, где они собираются». Этот кружок, а точнее крестьянский союз писателей из народа, последователей И. З. Сурикова, возглавлял П. Травин, он же «Дед-травоед», издававший ряд злободневных журналов: «Рожок», «Копейка-злодейка», «Забияка», «Доля бедняка». За резкие выступления Травин часто сидел в «Котлах» или в «Бутырке», но кружок продолжал жить.

Через год Жуков ушёл из трактира и устроился столяром при одном банке. Работа была тяжёлая, но это было лучше, чем бегать по залам с подносами. Дело стало налаживаться. Но началась война, некоторые мастера сразу были взяты на фронт, а в начале 1915 года и нашего земляка призвали в армию. Был в боях, имел два ранения, потом служил в Москве, в железнодорожном батальоне по охране путей и сопровождению поездов, а в 1922 году окончательно простился с военной службой.

Ещё в 1919 году Жуков вольнослушателем посещал Просветкульт. Литературно-художественная студия приняла его в число учащихся, после того, как познакомилась с его стихами и рассказами. Студию Жуков посещал старательно, учился отлично по классу пейзажа у художников Касаткина, Тархова, Радимова, Колесникова.

Когда в 1923 году студию Пролеткульта закрыли, Жуков поступил в литературный институт имени В. Брюсова. Литература, как и живопись, давно увлекала его. Ещё в 1919 году его стихи и рассказы (в духе Д. Бедного и А. С. Неверова) стали появляться в печати. Главной темой их была деревня, а героями — простые люди, такие близкие и знакомые самому автору. В 1922 году в сборнике «Твори» был помещён его автобиографический рассказ «Митюха Корнев». В 1923 году в журнале «Молодая гвардия» — рассказ «Деревенский сход». В сборнике, посвящённом умершему писателю А. С. Неверову, появляется рассказ «Курнуха деда Семёна». Стихи и небольшие рассказы можно было увидеть и в других журналах и газетах Москвы. В 20-х годах изданы два сборника рассказов Н. В. Жукова: «Лу́жа» и «Неладное» (последний имеется в Переславском музее). Литературный гонорар позволил автору совершить поездку в Донбасс, в результате чего на страницах журнала «Горн» появился очерк об этом путешествии.

В 1925 году после закрытия института он работал на обувной фабрике «Буревестник» и в металло-производственной артели «Трудовое возрождение», а свободное от работы время отдавал любимым занятиям. Дома неустанно рисует пейзажи любимой родины, родного Загорья. Было и так: в дни отдыха, по договорённости с комендантом фабрики, Жукова запирали в цехе, чтобы писать там картину «Вид из окна на фабричный двор».

И сейчас, когда за плечами восьмой десяток лет, Николай Васильевич продолжает писать и рисовать, воспевать в стихах и красках родные Загорьевские дали.

Впервые я услышал о Николае Васильевиче Жукове, — этом самородке-писателе и живописце, ровно 50 лет назад, когда он передал в Переславское научное общество своё стихотворение «Загорье». Несколько позже я познакомился с ним в Москве, где он работал. Любовь к родному краю сблизила нас. Завязалась переписка, душевные встречи.

«Как бы хотелось мне переехать опять в Загорье, — говорил мне Николай Васильевич в минувшем декабре во время нашего свидания. — Устроил бы там выставку своих картин. Ведь это такие родные и знакомые виды... Крестьяне поймут, обязательно поймут... А сам понемногу продолжал бы рисовать, пока ещё хорошо вижу... Передал я в Переславский музей несколько своих картин, может, и на них когда проглянет солнце».

На днях я получил от Николая Васильевича очередное и, как всегда, большое письмо. И, конечно, со стихами. Одно из них обращено к любимой Сольбе. Вот его начало:

Давно пора бы собираться
 Душой в отставку, на покой,
 Да нет желанья расставаться
 С родной красавицей-рекой.
 Она для нас не в первый раз
 Готовит встречу про запас...

Хочется верить, что таких встреч с родными местами у Николая Васильевича будет ещё много.